

8. Козловская М. В. К вопросу о своеобразии минерального статуса костной ткани носителей джетыясарской культуры // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. 2. Джетыясарская культура. Ч. 1. Склепы. М.: ИЭиА РАН, 1993. С. 271-279.

9. Козловская М. В. Минеральная часть костной ткани: общие параметры и количественный анализ некоторых химических элементов // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1998. С. 220-244.

10. Ноздрюхина Л. Р. Биологическая роль микроэлементов в организме животных и человека. М.: Наука, 1974. 184 с.

11. Скоблин А. П., Белоус А. М. Микроэлементы в костной ткани. М.: Медицина, 1968. 230 с.

12. Торбенко В. П., Касавина Б. С. Функциональная биохимия костной ткани. М.: Медицина, 1977. 273 с.

*Любовь Александровна ДРЯБИНА –
доцент кафедры истории
древнего мира и средних веков,
кандидат исторических наук*

УДК 902. 6

ОБРАЗ ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТОБОЛЬЯ

Аннотация. Статья посвящена семантике орнитоморфных изображений с Андреевского озера Тюменской области, часть которых публикуется впервые.

This article focuses upon the semantics of the ornitomorphic drawings from the Andreevskoe lake of Tyumen region.

Глиняная скульптурка утки с поселения ЮАО-XV (XV участок южного берега Андреевского озера, исследованный автором в 1979-1983 гг.) уже описывалась. Тогда же было высказано предположение о ее тотемном значении [1]. И. В. Усачева склоняется к интерпретации птички как поводыря душ или участницы древних космогонических мистерий [2]. Действительно, образ птицы был многозначен как в древности, судя по разнообразию его воплощения, так и в более поздние периоды, давшие нам множество мифов о птице. Попробуем еще раз проникнуть в глубины первобытного мировосприятия через образ водоплавающей птицы, опираясь на вышеозначенную скульптурку и орнитоморфные изображения на сосудах с поселения ЮАО-XVI, которые еще не публиковались.

В 1983 г. было вскрыто жилище позднего неолита, принадлежавшее населению – носителю гребенчатой орнаментальной традиции [3]. На дне жилища обнаружены фрагменты посуды с антропоморфными изображениями (4 экз.). К сожалению, черепки очень малы, поэтому реконструировать орнаментальную композицию не удалось. Все изображения нанесены гребенчатым штампом разной величины и формы, в стилизованной манере, но канона в создании образов не фиксируется. На одном фрагменте птица, плывущая влево, прорисована тремя длинными отпечатками зубчатого штампа: два параллельных друг другу отиска изображают тело, а третий, поставленный под углом к ним – шею (рис. 1-4). Другое изображение передает динамику движения птицы, что достигнуто нанесением короткого отиска штампа, обозначающего шею, под прямым углом к двум параллельным друг другу отрезкам – телу (рис. 1-6). На третьем фрагменте даны спокойно плывущие птицы с квадратным

телом и почти вертикально поднятой шеей (рис. 1-7). Четвертый образ предельно схематичен. Он выполнен двумя короткими расходящимися оттисками штампа. Подобные изображения в эпоху неолита-энеолита были распространены на широкой территории Евразии, охватывающей лесную зону от Финляндии до Зауралья. Они связаны, как правило, с культурами гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций. Сюжет водоплавающей птицы присутствует на сосудах каргопольской культуры (стоянки Кубенино, Негежма, Вой-Наволоок-9, Ломми), льяловской (стоянки Сахтыш-VIII, Сахтыш-IIa), мстинской культуры (стоянки Репище— V, Коломцы, Усть-Валдайка) [4]. На Урале подобные изображения широко известны. Н. М. Чаиркина считает, что большинство сосудов с орнитоморфными изображениями принадлежит шувакишской культуре, датируемой исследовательницей энеолитом. К ним она относит фигурки птиц на керамике с Палкинских и Красноозерских стоянок, Шигирского городища, I Береговой, Бараний Мыс, Юргинской IV стоянок, поселений Шувакиш I, Палатки I, Аятское Правобережное [5].

Изображения птиц на керамике с поселения ЮАО-XVI пока являются первыми в Притоболье. Нужно отметить, что в поселенческих комплексах подобная посуда встречается очень редко, и этот факт наводит на мысль об особом ее статусе. Зачем на отдельных сосудах нужно было изображать водоплавающую птицу? Вряд ли эти сосуды были повседневными. В таком случае возникает вопрос: что и в каких случаях они вмещали (сосуд-емкость)? Уместно здесь вспомнить, что на тех же территориях, где зафиксированы изображения птиц на посуде, в торфяных слоях найдена и круглая деревянная скульптура, представленная ковшем в виде водоплавающей птицы. Такие ковши обнаружены на мстинской стоянке Репище IV, льяловских стоянках Сахтыш I, Ивановское VII [6] на Сарнатском торфянике [7], на уральских стоянках – Горбуновском, Шигирском торфяниках [8], на Кокшаровско-Юрьинской стоянке [9]. Все эти скульптуры объединяет следующее: голова птицы, чаще всего утки, является только частью фигуры, рукоятью или ручкой, а тело представляет собой емкость, скорее всего, для жидкости. Таким образом, зависимость утка-вместилище-жидкость-влага-вода несомненна. По всей видимости, это соотношение может быть применимо и к глиняному сосуду с изображением птицы. И ковш, и горшки являются не статичными произведениями искусства, а элементами ритуала, связанного с мифами, в которых фигурировали водоплавающая птица и влага. Такие мифы известны евразийским лесным народам [10]. Финские, эстонские, коми, саамские мифы повествуют о сотворении неба, земли, звезд из яйца, снесенного уткой, среди моря. В «Калевале» утка снесла яйца на коленях Матери Воды, прародительницы Ильматар, мучающейся в трудных родах среди мирового океана. Яйца скатились с колена, но не разбились, а подверглись чудесному превращению:

*Из яйца, из нижней части,
Вьшла Мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился...*

и т. д. [11]

В хантыйских мифах кулик по просьбе младшего сына Нуми-Горума Кон-Ики трижды нырял на дно мирового океана, чтобы достать землю; в мансийских сказаниях гагара сама ныряла за землей и илом, из которых разрасталась земля [12]. В мифологии саяно-алтайских народов мир творят две утки, одна из которых ныряла за илом на дно моря (в шаманском варианте утка-Эрлик – правитель подземного мира),

а другая разбрасывала его по воде, в результате чего появились земля, горы, леса (в шаманском варианте – утка-Ульгень, владыка верхнего мира). В некоторых мифах Ульгень творит землю по велению Белой Матери, обитающей в мировых водах [13].

Вполне возможно, подобные мифы о сотворении мира, о вторичном творении земли после «огненного» потопа являлись основой ритуалов, атрибутами которых были сосуды с орнитоморфными изображениями. Это, может быть, и обряды, направленные на предотвращение огненного потопа во время длительных дождей, когда приносятся пропициальные жертвы. Учитывая связь водоплавающей птицы с водной и подземной стихией, можно предположить и обратное – проведение обрядов, связанных с вызыванием дождей.

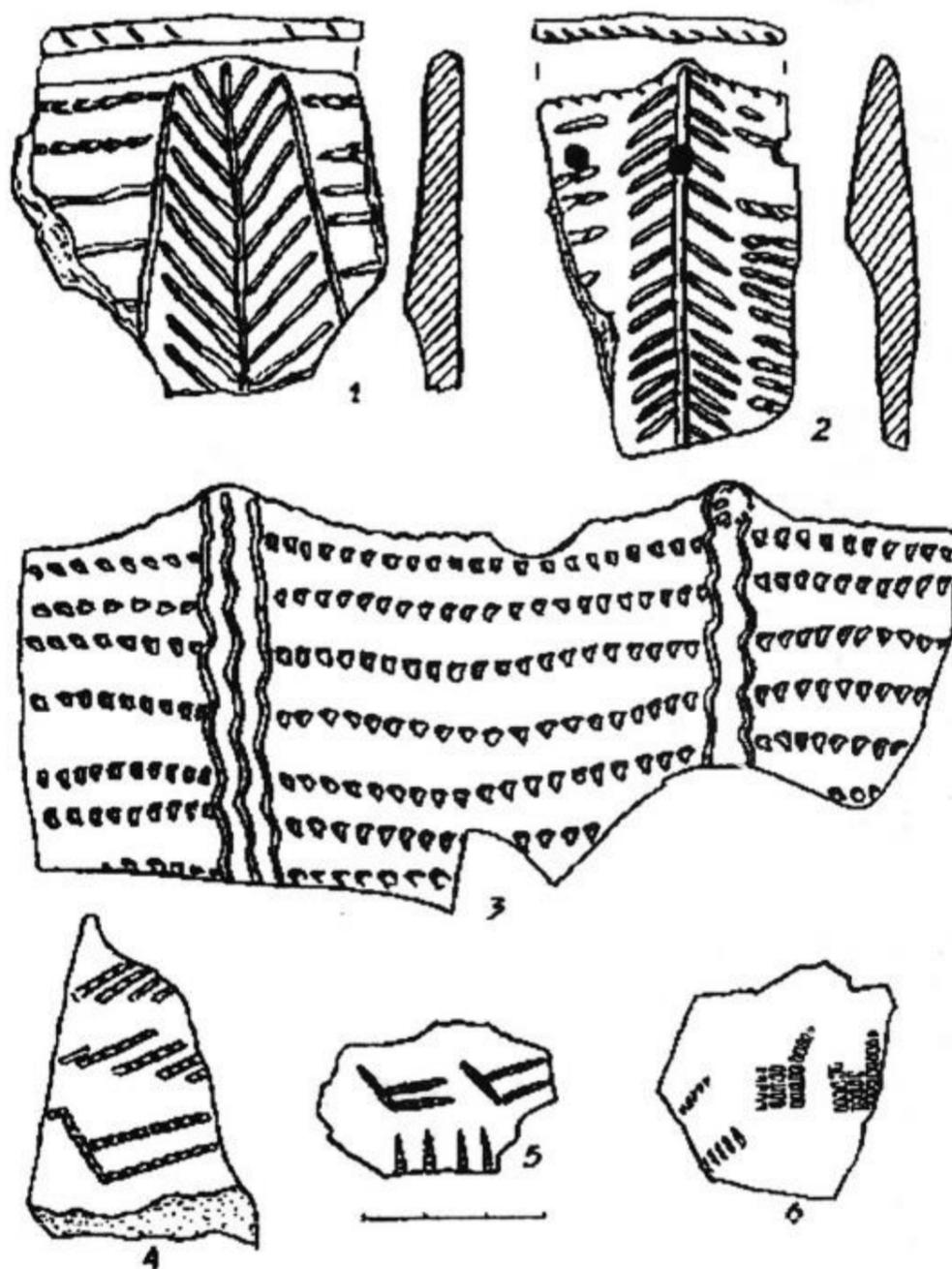

Рис. 1. Керамика с поселений Андреевского озера:
1-3 – с поселения ЮАО-XV,
4-6 – с поселения ЮАО-XVI

Иную смысловую нагрузку, на мой взгляд, несла фигурка птички из глины, найденная на поселении ЮАО-XV. Проникнуть в смысл этого феномена можно лишь увязав его стилистические особенности с контекстом памятника. Скульптурка залегала в северо-восточном углу постройки 7, у самой стенки, в незначительном, почти незаметном углублении, явным свидетельством которого является супесчаный выкид в 20 см южнее. Вокруг нее были сконцентрированы черепки козловской посуды с волнистым венчиком, длинным пологим напылом, орнаментированной в накольчато-отступающей манере. Узор представляет собой ряды горизонтальных линий с вертикальной разбивкой. От выступов спускаются волнистые линии, выполненные прочерчиванием. На одном выступе венчика просматривается неясное зооморфное изображение (рис. 1-3). Два сосуда содержат изображение древовидного ствола (рис. 1-1,2). Как видим, посуда в соседстве с фигуркой птицы неординарна. Сама скульп-

турка невелика, длиной 5 см, толщиной 2 см. У птички хорошо выделена маленькая головка на вертикально поставленной шее. Небольшие трапециевидные крылышки, оттянутый хвост, направленные назад лапки, еще не подобранные, позволяют видеть в фигурке взлетающую утку (рис. 2-1). На брюшке имеется отверстие для насада.

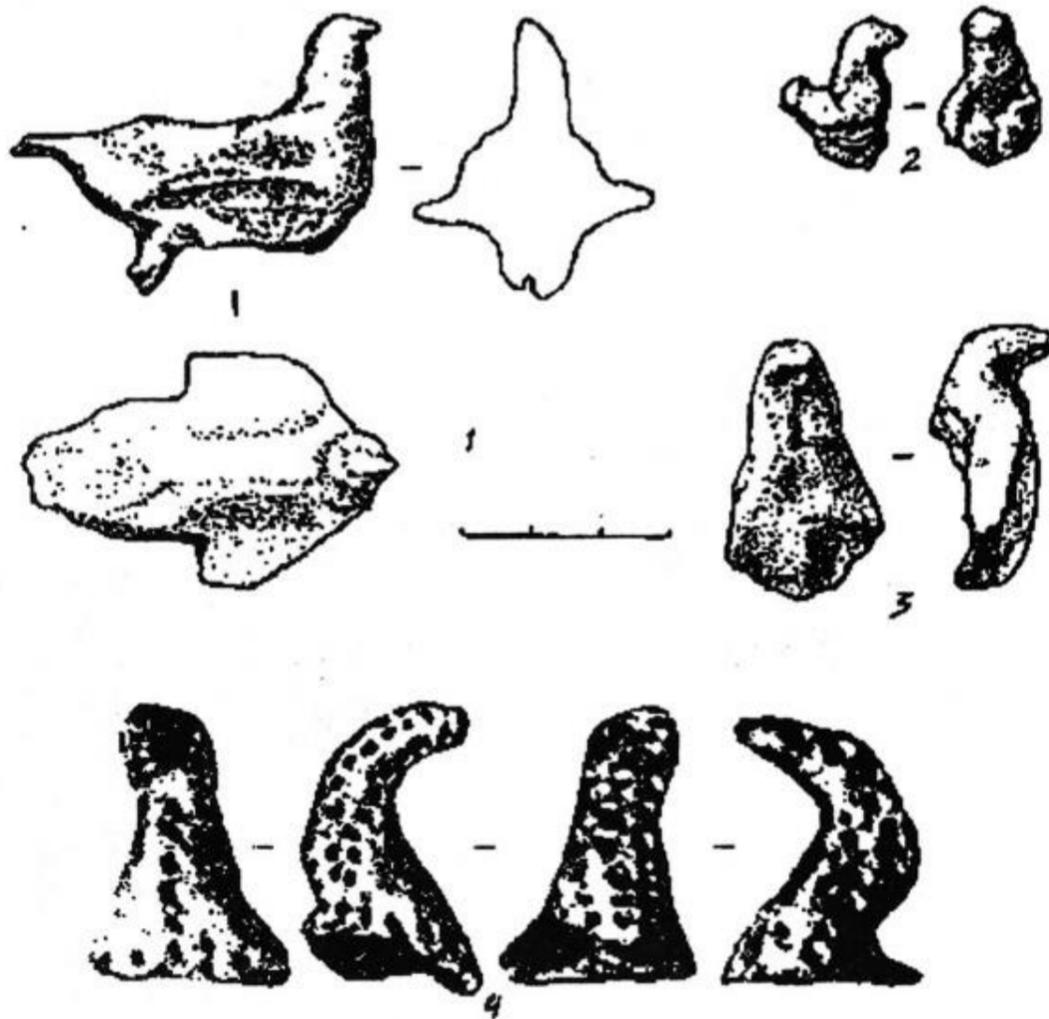

Рис. 2. Глиняная скульптура:

1 – птичка с поселения ЮАО-XV, 2 – с поселения Кубенино (по Ошибкиной С. В.),
3 – с устья Кинемы (по Ошибкиной С. В.), 4 – с поселения Вигайнаволоок
(по Журавлеву А. П.)

Немногочисленные скульптуры водоплавающих птиц, вылепленные из глины, найдены в той же зоне, что и орнитоморфные изображения на посуде. Известны подобные птички в мстинской культуре (Усть-Валдайка I), льяловской (стоянки Сахтыш-Па), каргопольской (Кубенино, Устье Кинемы, рис. 2-2,3) [14], карельской культуры (Вигайнаволоок, рис. 2-4) [15]. Определенного канона в изображении птиц нет, но у всех выделены основные признаки утки: массивное тело, прямо поставленная толстая шея, маленькая головка с плоским клювом. Известно, что в представлениях неолитического и энеолитического населения лесной зоны Евразии от Финляндии до Зауралья велика роль водоплавающей птицы как демиурга. Участие в творении мира, связь с водной стихией и подземным миром, реальные способности уток, гусей перемещаться вверх и вниз, на юг и север – вот отправные точки поиска значения этого образа, выполненного скульптурно.

Фигурки птиц известны с позднего палеолита и чаще всего трактуются как тотемные знаки [16]. Этнографические материалы подтверждают такую интерпретацию. По мнению С. А. Токарева, птица является древнейшим тотемом [17]. Утки были тотемами у обских угров [18], у селькупов [19], у якутов [20]. В тотемных мифах папуасов маринд-аним, у которых птицы часто были тотемами, показан механизм появления тотема-первопредка.

Чаще всего в концепции мифа проявляется смерть как путь к возрождению в новых формах, смерть-перевоспложение. Так, из тела женщины-демы, схороненной в земле и покрытой корой саговой пальмы, появляются утки, тотемно связанные с пальмой [21]. А что есть смерть? Прекращение функционирования жизненной силы, часто называемой душой. Душа же чаще всего воплощается материально в образе птицы.

Дж. Дж. Фрезер отмечал, что в сказках индоарийских народов от Индостана до Гибридных островов содержатся представления о душе, спрятанной далеко от тела птицы [22]. Славянский Кощей хранил свою душу в яйце, находящемся в утке. Душа-урт у хантов уходит в загробный мир в антропоморфном виде или в виде птицы [23], поэтому у дочери Южной Старухи на косных украшениях были живые водоплавающие птицы [24]. Птицы являются обязательным атрибутом одежды шаманов, они обеспечивают связь между мирами и, главным образом, в силу изначальной принадлежности к водной стихии, хтонической сущности, с миром нижним. При камлании происходит превращение шамана в птицу, часто – гагару, ныряющую в глубь океана смерти [25]. Совмещение образов птицы и человека в приближении к нижнему миру в шаманской практике выражено в изображениях птице-человека у селькупов, нганасан, энцев. В угорской мифологии этот образ выражен очень ярко. Главный дух-покровитель хантов и манси, младший сын Нуми-Торума (Эква— Пырись, Мир-Сусне-Хум) и его жена приобретали облик гуся в самые ответственные моменты, как то – посещение страны мертвых [26]. Гусыней становилась и Калтась-Эква (манси) или Йоли-Торум-Сянь (ханты) – Нижнего Мира (Земли) Мать. Как видим, в этих фактах прослеживается представление о переправе в мир мертвых через превращение в тотемное животное, а также связь утки-души с тотемом и духом-покровителем. И корни этих воззрений уходят в глубокую древность. Образ человека-птицы появляется в позднем палеолите. Чрезвычайно интересна находка А. Д. Столяра в раскрытии семантики животного изображения птицы. Глубокое исследование композиций из пещер Пиндаль, Ляско и Пеш-Мерль позволили А. Д. Столяру сопоставить образы птицы на шесте и женщины и, более того, отождествить их (рис. 4). По мнению исследователя, в указанных композициях воспроизводится мифологический сюжет с трагическим в нашем понимании концом и дается осмысление его путем введения категории души, воплощенной в абстрактном образе женщины-птицы как единственного «источника человеческих жизней, ... символа нескончаемого круговорота жизни, отрицаемой смертью и вновь победоносно утверждающей себя» [27]. Слитный образ женщины-птицы просматривается и в мезинских «птичках», в орнаменте которых содержатся женские знаки.

Вернемся к нашей андреевской птичке, которую насаживали на палочку (шест) и которая была найдена вместе с посудой, украшенной древовидным изображением. Такой контекст ассоциируется с графическими композициями уральских писаниц, в основе которых лежат фигуры птицы и изображение дерева (рис. 3-1). Этот сюжет выделен В. Н. Чернецовым на Вишерском Писаном Камне, на Змиевом Камне и Соколийских утесах [28]. Какую роль в смысловой цепочке птица-женщина-душа могло играть дерево? Очень возможно, что это мировое дерево, ось, связующая три мира, средство общения покровителей с живущими на земле. В. Н. Чернецов описал весенние обряды обских угров, сопровождаемые драматизированными танцами, для исполнения которых надевались птичьи маски и одеяния из птичьих шкурок, и песни, в которых повествование ведется птицей. Создается иллюзия превращения исполнителя в птицу:

...От пестрых вод птичьей страны

Птица я приближаюсь...

или:

... Три взмаха моих маленьких крыльев

Делаю я,

Четыре взмаха моих маленьких крыльев

Делаю я,

С одного дерева на другое

Я перепархиваю... [29]

Птица-женщина (и Калтась-Эква тоже) спускается по дереву к своим «бедняжечкам», которые ее призывают и хотят получить от нее покровительство, вечное раз-

множение. Иллюстрацией к андреевскому комплексу птичка-древовидные фигуры может служить и описанный у квакиютлей обряд установления церемониального столба во время инициаций, когда участники ритуала обращаются к столбу (алломорфу мирового дерева) со словами: «Вот мы пришли, Врачующая женщина, ты, Даватель-Долгой-Жизни, ты столб зимних церемоний...». У них же есть тотемные столбы с названием «Дерево Гагарь» [30].

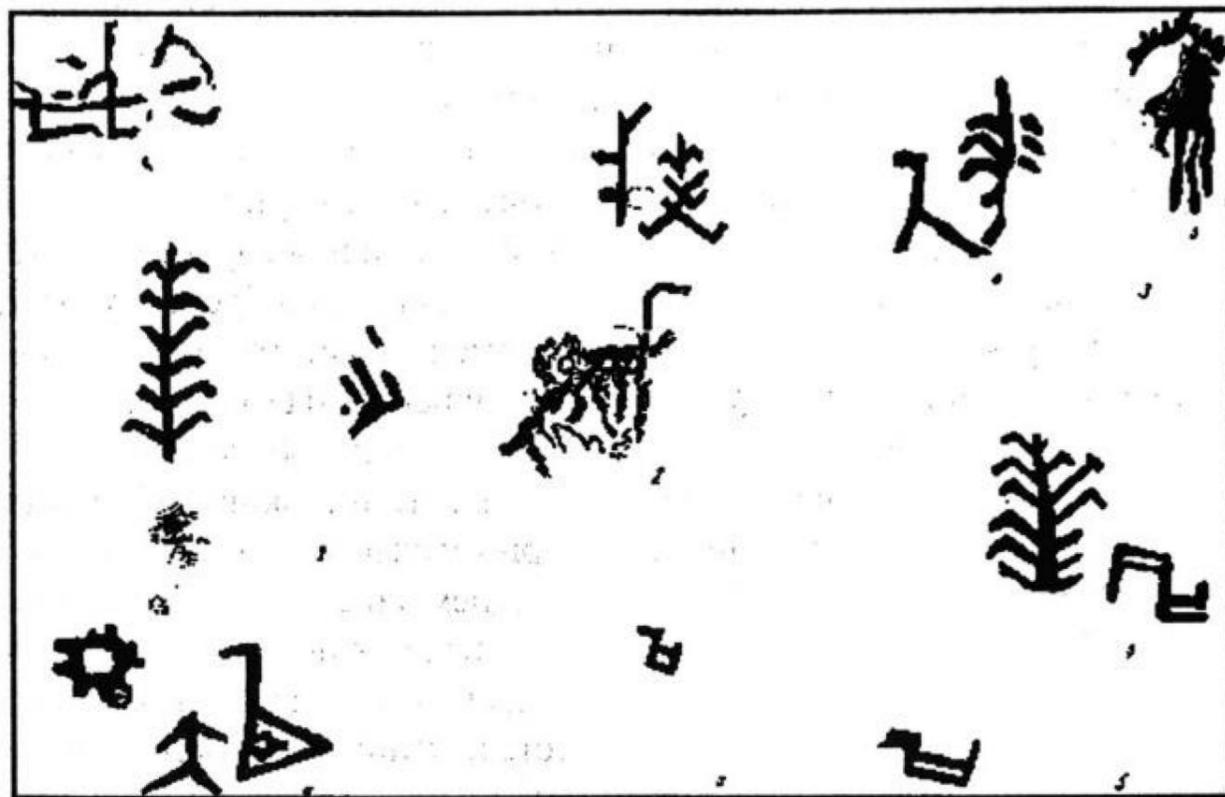

Рис. 3. Композиции с изображением дерева и птицы (по Чернецову В. Н.)

Рис. 4. Композиция из пещеры Ляско

Орнитоморфные изображения в «тайничках» жилищ описаны у угров, ненцев. Ненецкие «сядэй» — профильные изображения водоплавающих птиц, укрепленные на шестах возле чума, считались охранителями дома и помощниками шамана [31].

Обряды с птичьими песнями, инициальные мистерии у столба-дерева, тайнички дома и птицы-хранители на шестах у чумов являются, по-видимому, воплощением развития древних традиций, заложенных в палеолите и неолите. Именно тогда оформлялись мифологические представления о космогоническом творении и устройстве,

о жизни и смерти, о времени и пространстве. Водоплавающей птице отводилась в них немалая роль. Ее креационная космическая функция отразилась в круглой деревянной скульптуре и в орнаменте на глиняной посуде. Синкретичный образ женщины-птицы являлся символом души, медиатором между мирами, связывал души живущих с душами предков, с духами-покровителями рода и жилища, и, наконец, птица могла быть тотемом. Можно только предполагать, что скульптура утки и древовидные изображения были атрибутами ритуалов, представляющих собой драматизированные изложения мифов, связанных с приходом и встречей женщины-птицы-души-предка, сопровождаемыми песнями, ей посвященными, танцами, действиями, символизирующими смерть и возвращение к жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дрябина Л. А. Глиняная скульптура Андреевского озера / Художественный музей: коллекции, культура края: Тез. и докл. Тюмень, 1993. С. 7-8.
2. Усачева И. В. К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита-бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // Вопросы археологии Урала. 1998. Вып. 23. С. 118.
3. Дрябина Л. А., Захарчук С. Н. Поселение ЮАО-XVI // Тюменский исторический сборник. Вып. 3. Тюмень, 1999. С. 92-102.
4. Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // Краткие сообщения института археологии. 1972. Вып. 131. С. 36-44; Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П. Искусство каменного века. М.: Наука, 1992. С. 54-55, 76, 114.
5. Чаиркина Н. М. Антропо— и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург. 1998. С. 84.
6. Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П. Искусство каменного века. М.: Наука, 1992. С. 117, 76-78.
7. Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // Краткие сообщения института археологии. 1972. Вып. 131.
8. Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. С. 81-88.
9. Сериков Ю. Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка // Российская археология. 1992. № 4. С. 131-147.
10. Напольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли / Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 6.
11. Калевала. Пер. с финского Л. Л. Бельского. Л.: Лениздат, 1984. С. 24.
12. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 63, 258, 272.
13. Басилов В. Н. Мифология тюркоязычных народов / Мифы народов мира. Т. 2. М.: 1994. С. 537-541.
14. Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зими́на М. П. Искусство каменного века. М.: Наука, 1992. С. 117, 77.
15. Журавлев А. П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволоок I // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С. 91-94.
16. Борисковский П. И. Палеолит Украины // МИА. 1953. № 40. С. 282; Ефименко П. П. Первобытное общество / Очерки истории палеолитического времени. Киев, 1953. С. 467; Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. Свод археологических источников. Вып. А 4-3. М., 1962. С. 70.
17. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964. С. 61.
18. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII-XIX вв. Проблемы братрии и рода. М.: Наука, 1983. С. 141-142.
19. Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 62-63.
20. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 112, 114.
21. Мифы и предания папуасов маринд-аним. М.: Наука, 1981. С. 56, 104, 242, 243.
22. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1984. С. 177, 178, 628, 629.
23. Зенько А. П., Козьмин В. А. Представления о человеке в погребальном обряде северных хантов / Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 148.

24. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 271.
25. Грачева Г. Н. К материалам по духовной культуре нганасан и энцев// Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 80-94; Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири/ Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX– н. XX в. Л., 1971; Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 1991. С. 79.
26. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 352-353, 271.
27. Столяр А. Д. Просхождение изобразительного творчества. М.: Искусство, 1985. С. 250-255.
28. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников. Вып. В 4-12. М.: Наука, 1971. С. 69-70.
29. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников. Вып. В 4-12. М.: Наука, 1971. С. 89-93.
30. Сегал Д. М. Мифологические изображения у индейцев северо-западного побережья Канады/ Ранние формы искусства. М.: Искусство. 1972. С. 321-372.
31. Напольских В. В. Опыт реконструкции семантики мальтинских орнитоморфных изображений/ Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 66-74.

Валентин Валентинович ЯКОВЛЕВ –
ассистент кафедры истории древнего
мира и средних веков факультета
истории и политических наук,
кандидат культурологии

УДК 940. 1+130. 2 (3)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗНАМЕНА В КОНТЕКСТЕ АРХАИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

АННОТАЦИЯ. Для средневековых людей всевозможные бедствия, громы, молнии, затмения, кометы и тому подобные явления были знаменами. В настоящей статье исследуется зависимость знамений, описанных в хрониках Григория Турского (VI в. н. э.) и Павла Диакона (VIII в. н. э.), от архаических пространственно-временных представлений.

For the medieval people every possible disaster such as thunder, lightnings, eclipses, comets and similar phenomena were signs or omens. The author considers the dependence of early medieval signs described in the chronicles of Gregory of Tours (VI cent. A. D.) and Paul the Deacon (VIII cent. A. D.) upon archaic space-time concepts.

Хроники Григория Турского [1] и Павла Диакона [2] чрезвычайно богаты описаниями всевозможных бедствий, громов, молний, затмений, комет и т. п. явлений, безоговорочно зачислявшихся раннесредневековым человеком в разряд знамений или предзнаменований. В процессе ознакомления с реакцией раннесредневекового общества на так называемые знамения возникает желание сравнить ее по качеству с восприятием потустороннего. Однако использование амбивалентного понятия «потустороннее», указывающего и на необычность, и на принадлежность чего-либо к загробному миру, способно исказить всю гамму сопровождавших знамения переживаний. Правильнее будет, на наш взгляд, предположить, что знамениям раннесредневековых хроник присуща не столько потусторонность, сколько сакральность и сверхъестественность в смысле необычности по придаваемому им значению. Ибо